

18+

Алексей Казаков

Эрос и Танатос

Алексей Казаков

**Эрос и Танатос. 20 историй
о переплетениях любви и смерти**

«Издательские решения»

Казаков А.

Эрос и Танатос. 20 историй о переплетениях любви и смерти /
А. Казаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745768-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В
книге собраны истории, связанные одной сквозной темой: любовь и
смерть, стремление к Эросу и Танатосу, этим глубинным началам, которые
неразделимы и часто движут поступками людей. В этих рассказах мелодрама
органично сочетается с элементами детектива и мистики.

ISBN 978-5-44-745768-6

© Казаков А.

© Издательские решения

Содержание

Чёрный куб	6
Звон тетивы	14
Ретушёр Кларочка	19
Фея по имени Даша	22
Курс лечения	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эрос и Танатос 20 историй о переплетениях любви и смерти

Алексей Казаков

Дизайнер обложки Виктория Фетисова

© Алексей Казаков, 2024

© Виктория Фетисова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4474-5768-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чёрный куб

Вчера мне приснился тот зловещий чёрный куб. И приснилась та женщина. Жутковатое содержание чёрного куба по-прежнему связано в моём сознании с образом Леры.

Впервые я увидел её на фоне убегавших слева направо серых деревенок в обрамлении летней зелени. Мы оказались соседями в креслах скоростного поезда Москва – Санкт-Петербург. У окна сидела молодая женщина в чёрно-белом шахматном свитере и чёрных брюках; интеллигентное лицо, очки, томик Маркеса в руках – «Полковнику никто не пишет». Она перевернула страницу, потом рассеянно посмотрела в окно, закрыла книгу, прикрыла глаза, видимо, желая подремать, но внезапно поезд начал резко тормозить, а потом и вовсе остановился. Возникла какая-то железнодорожная проблема, в которую мне не хотелось вникать.

Поезд не двигался с места уже примерно полчаса. Моя спутница посмотрела на маленькие позолоченные часики на левой руке и недовольно покачала головой, вздохнула.

– Опоздываете? – участливо поинтересовался я, желая как-то заполнить повисшую тишину и бездействие, а заодно завязать знакомство, хотя никаких перспектив в тот момент не строил. Просто женщина мне понравилась, и хотелось услышать её голос. И он оказался негромким, горловым.

– Уже опоздала.

Мы разговорились – о застывшем на рельсах поезде, потом о Маркесе, о его «Полковнике», об одиночестве как плате за обладание властью. В салоне разносили кофе, мы взяли белые дымящиеся чашечки и продолжили беседу. В разговоре я упомянул, что в Питер еду продавать доставшуюся мне по наследству, неподалёку от Александровской лавры, однокомнатную квартиру. Неожиданно она заинтересовалась этим обстоятельством.

– А я как раз подыскиваю себе что-то похожее, и как раз в этом районе, – оживилась попутчица. – Мне нужна именно однокомнатная – я живу с дочерью, в однокомнатной. Хочу купить ещё одну такую же примерно, чтобы у дочки была отдельная, когда станет совершеннолетней.

– Я мог бы показать вам квартиру, возможно, это то, что вам нужно, – предложил я.

Она подумала несколько секунд.

– Спасибо. Я принимаю ваше приглашение, – улыбнулась, и я увидел румянец на её щеках и паутинку морщин под глазами.

Тёмно-рыжая чёлка на лбу, скорее всего, скрывала тоже морщинки. Лет ей на вид было 35—37. Похоже, мы почти ровесники.

Когда поезд подошёл к перрону, и мы стали готовиться к выходу, Лера (так её звали) сняла с верхней полки небольшую спортивную сумку, которую набросила на плечо, и коробку, обернутую плотным черным полиэтиленом и скотчем, который сверху превращался в подобие ручки. Я вызвался помочь своей спутнице нести эту поклажу, однако она мягко, но настойчиво отказалась.

– Боюсь даже предположить, что за ценности находятся в этой коробке, – с толикой ехидства подал я реплику, немного уязвлённый отказом.

Она улыбнулась:

– Вам лучше этого не знать. Это... так, кое-что по работе, везу в свой институт.

Мы дождались, когда толпа прошла, и теперь неспешно двигались к зданию вокзала.

– Наверняка, у вас там машина времени! – не отставал я с вопросами, кивнув на коробку, хотя чувствовал некоторую свою навязчивость; но почему-то этот чёрный куб не давал мне покоя.

– Эх, если бы, если бы машина времени... – вздохнула Лера. – Вы только не пугайтесь, я сейчас отвечу на ваш вопрос. У меня там отрезанная голова.

Я хохотнул, отметив про себя, что одетая в шахматный свитер молодая женщина с хорошей фигурой ещё и начитанная умница, и сейчас наверняка отсылает меня к отрезанной голове персонажа «Мастера и Маргариты» Булгакова.

– Отрезанная комсомолкой-вагоновожатой голова Берлиоза?

Она вздёрнула брови и ответила серьёзно:

– Да нет, тут другой сюжет. Видите ли, я майор полиции. Судмедэксперт. В этой коробке, в специальном контейнере – я не шучу – голова убитого человека. Тело пока не найдено. Везу на экспертизу в институт, в котором я работаю. Служу, точнее...

Наверное, в моем лице что-то изменилось. Лера внимательно посмотрела мне в глаза:

– Вас это смущает?

Я овладел собой:

– Ну почему... Такая ваша работа... Просто я не знал, что рядом с нами ехал такой... странный груз.

– Это для вас он странный. А для меня – рутина.

Итак, коробку она несла сама. Я помог ей сесть в такси. Через окошко машины договорились встретиться на следующий день – посмотреть квартиру и посидеть в кафе, обсудить наши внезапно возникшие общие дела.

Вечером я, мучаясь предчувствием июльского дождя, долго не мог уснуть в квартире покойной тётушки. Здесь всё мне казалось стариковским, советским и провинциальным: и ковёр на стене, – прибежище моли, иногда просыпавшейся и мелькавшей в свете настольной лампы, и сервант с фарфоровыми статуэтками и остатками сервизов, и немодная, разболтанная, скрипевшая своими деревянными суставами, мебель. Мне не хотелось открывать шкаф, не желал я видеть тётушкины ретро-платья, потёртую куртку, обувь, которой давно пора на помойку. На столике стоял, впрочем, вполне современный телевизор, который я подарил тётушке на 75-летие. Экран был покрыт пылью. Возможно, она его так ни разу и не включила.

Кусались комары. Пришлось выпить прихваченной по пути водки и обтереться лосьоном после бритья – за неимением специального средства против навязчивых кровососов. И все равно не спалось.

Странно, что днём я ехал рядом с красивой женщиной и отрезанной головой. Кстати, была ли та голова женской или мужской? Надо было сразу спросить, а теперь, наверное, такой вопрос прозвучит глупо и некстати, – размышлял я, томясь преддоговальной бессонницей. Кстати, майор полиции, возможно, и не имеет права отвечать на такие вопросы... В конце концов, какое мне дело? Моё дело – встретиться с приятной женщиной и постараться решить вопрос с недвижимостью.

Но ведь эта женщина красива, интересна, возможно, одинока. Небольшая интрижка на берегах Невы? А почему бы и нет? Но не более того. Меня вполне устраивала моя жизнь – любимая жена-красавица, двое сыновей-погодков, преподавание античной истории в престижном вузе...

Прогремел гром, отозвавшись позвякиванием тётушкиных некомплектных сервизов, потом, наконец-то, прорвался наружу дождь, в комнате с открытым окном запахло озоном и свежестью, – и я вскоре уснул.

У входа в кафе она была совсем другая – в светло-синем платье, высокие каблуки сделали её ещё стройней и подтянутее. Наверное, в полицейской форме она тоже не будет похожа на себя вчерашнюю и сегодняшнюю. Обладая ею, можно познать разных женщин, удовлетворяя таким образом атавистическую склонность многих (если не всех) мужчин к полигамии, – размышлял я.

Она улыбнулась, взяв свежую розу, которую я ей подарил. Я успел отметить переключку цветов розы и ногтей Леры.

– Спасибо. Тронута... Роза пахнет розой, что сегодня не часто встретишь, – сказала, нежно ткнув в цветок точёный носик с чуть вздыбленными крыльями.

– Пройдёмте, товарищ майор, – игриво скомандовал я.

Она с улыбкой посмотрела мне в лицо (я уже понял, что такой прямой взгляд был ей свойственен):

– Слушаюсь, товарищ полковник.

Я воспринял это как комплимент. Я действительно носил на погонах три звезды, но маленькие, старлейские, и было это много лет назад, на офицерских двухмесячных сборах; я отметил также, что её неожиданное обращение ко мне по воинскому званию отсылали (возможно, случайно) к нашему недавнему разговору о книге Маркеса, которого, как выяснилось, мы оба любили.

– Вы преувеличиваете мои успехи в карьере офицера запаса, – уклончиво заметил я.

Наш обед прошёл в непринуждённой светской беседе. Но странное дело – у меня не выходила из головы отрезанная голова (извините за невольный каламбур). Вот сидит передо мной красивая женщина Лера, нежные её пальцы изящно держат вилку и нож, которыми она режет фаршированную креветками рыбу, но, возможно, совсем недавно эти же пальцы проводили трепанацию черепа убиенного... или убиенной. А это, пожалуй, четвёртый образ моей новой знакомой: чуть inferнальный, отталкивающий и манящий одновременно своей загадочностью для меня, человека сугубо штатского, мирного, немного брезгливого.

Потом мы поехали смотреть квартиру. Пили чай. Лера с интересом рассматривала тётушкино ретро-жилище.

– А, знаете, я подумаю, – оживлённо говорила она. – Неплохая квартира. В хорошем месте... А почему вы продаёте её? Ведь вы могли бы её сдавать.

– Мне нужны деньги на новую квартиру. Детишек двое – растут, скоро тесно будет.

– Понятно. А моя дочка сейчас в Минске, на каникулах. У бабушки.

Повисла неловкость. Был седой северный вечер, начало девятого, дела были обговорены, надо было расставаться, но этого не хотелось, как мне показалось, не только мне, но и ей. Мы доехали на такси до Дворцовой площади, погуляли там, потом взяли билеты на прогулочный теплоход по Неве.

Мы все больше и больше привязывались друг к другу – Лера рассказывала мне о Питере, о том, как росла здесь девочкой в семье, где папа был морским офицером, а мама – врачом, о том, как училась в медицинском институте, потом по приглашению пошла работать в милицию, ставшей потом полицией...

– А ты вспомни, – говорила она мне, когда мы уже перешли на «ты», – ведь в советское время милиционеры очень остро оскорблялись, если их кто-то – ну кроме иностранцев – называл полицейскими. Могли ведь задержать и отправить в «обезьянник». Так оскорбить советского милиционера, ой-ой!

– Это вроде того, как если бы нашего разведчика обозвали шпионом! – поддакнул я.

– Да не приведи господь! – нарочито «по-бабьи»отреагировала Лера и засмеялась, набросив под глаза паутинку.

Я тоже рассказал о себе, в основном о своей научной работе, о том, что Александра Македонского, скорее всего, отравил никто иной как его учитель и наставник Аристотель, который таким образом отомстил своему выросшему ученику за убитого племянника.

Свинцовая Нева белых ночей несла наш теплоход вместе с нами, кажется, к водовороту нового этапа наших взаимоотношений.

Мы стояли на палубе, и она вдруг сказала:

– Хочешь, расскажу тебе о самом счастливом дне в моей жизни?

– Ну конечно...

– ...Был у меня дядя, – дядя Володя, жил он далеко, в маленьком городке на Дунае, – начала она рассказ. – Я туда часто приезжала девочкой на каникулы. Как-то раз поехали мы на рыбную станцию, где дядя Володя работал лаборантом. По долгу службы он проверял состояние воды в рыбоводческих бассейнах, здоровье мальков, рыбной поросли, ну и что-то в этом роде.

Приехали. «Подожди меня часок», – попросил дядя Володя. – «Хочешь, поспи в машине. Или погуляй. Тебе со мной нельзя – санитарные требования, уж извини».

А места вокруг удивительные. Тишина. Журчание, плеск воды в плавнях. Вскрики пеликанов (настоящих пеликанов, с зобами, я и не знала, что они водятся у нас в стране, вернее, – водились, ещё в той стране, большой). Пеликаны близко к себе не подпускали, ими можно было любоваться только издали, когда они ходили стайками по болотным кочкам или перелетали над камышовыми зарослями, – место меняли. Охота и рыбалка там запрещены – заповедник, вот и сохранилось в тех местах многое в первозданном, непуганом состоянии... Я спустилась к плавням. Вода была ещё прохладная – кажется, был конец апреля, но захотелось в каком-то виде соприкоснуться с водной стихией, и я запрыгнула на плавучую лепёшку – эдакий, как бы тебе объяснить, сбитый природой камышовый матрас не матрас, плот не плот – что-то среднее. Легла на него и под звуки воды, дальних криков пеликанов, шума камышей, отдалась баюканью воды: едва заметные подводные течения покачивали, поводили взад-вперёд мою камышовую «Ра», пусть миниатюрную... Вот это и было, наверное, скоротечное счастье. Осознание его пришло только потом. Которое уже не повторится никогда... Если мне доведётся на том свете попасть в рай, в чем я глубоко сомневаюсь, да... то, наверное, он будет таким – камышовым, с пеликанами, с тишиной... хотелось бы... да грехи не пустят...

Я молчал. Теплоход вскоре причалил к пристани.

Утром мы пили с ней крепкий кофе в необжитой мною питерской квартире, наши глаза слипались от бессонной бурной ночи. Все смешалось в моих ощущениях – и сонливость, и душевный подъём от того, что произошло между мной и этой женщиной, и льстившее мужскому самолюбию осознание, что она была моей, и нам обоим было хорошо. Мы ни о чём друг друга не спрашивали. Я не знал, есть ли у неё близкий друг или нет, она не спрашивала меня о моей семье. Странно, что я не испытывал угрызения совести от того, что изменил своей жене, которую любил. Просто майор Лера была настолько другой по сравнению с моей спутницей жизни, что сравнивать их было бы странно. Лера возила в контейнере отрезанную голову, а моя жена чувствовала себя дурно от одного вида крови и была не в состоянии выпотрошить курицу или рыбу, предоставляя это сомнительное удовольствие мне; Лера так интересно и много говорила, рассказывала о себе, была откровенна со мной, в общем-то чужим ей человеком, а из моей жены часами нельзя было вытянуть ни слова, что, наверное, объяснялось её профессией: она была флейтисткой в оркестре и больше привыкла общаться с миром посредством инструмента, нежели артикулировать слова и складывать из них фразы. Разве можно изменить женщине с инопланетянкой? Мне казалось, что нет, а Лера в моем представлении именно таковой и была. Хотя, возможно, всё наоборот – «инопланетянкой» как раз была моя жена... Да кто ж тут чего разберёт с этими женщинами?

Лера уехала на службу, в свой полицейский институт. Я остался дома и стал забивать лёгкие пылью, разбирая книги и вещи покойной тётушки. После романтической, нежной ночи мне меньше всего хотелось ходить с Лерой по риэлторам и нотариусам. Не хотелось такого прозаического, приземлённого, коммерческого, что ли, продолжения. Тем более окончания. Но ведь нас связывали и эти дела. А то, что случилось сегодня ночью – я не понимал тогда,

чем именно это было с её стороны: прихотью, желанием заполнить ноющую пустоту в душе, призывом накопившегося либидо молодой женщины – или чем-то ещё, что не дано было мне уразуметь? Мне казалось, что наша сделка по купле-продаже квартиры может несколько опошлить то небольшое, что зародилось между нами, пусть и безо всяких претензий на серьёзное продолжение.

Но зря я опасался: все дела уладились на удивление легко и быстро. Мы поехали с ней к её знакомому риэлтору, бывшему однокласснику, который принял нас тепло и деликатно, с чаем-кофе, быстро помог всё оформить, вместе с нами пошёл к нотариусу, который работал на соседнем офисном этаже. Следующий день у нас ушёл на раздачу автографов разным конторам и архивам, визит в банк и – всё, сделка свершилась. Я даже не успел накопить раздражение, которое обычно сопутствует мне при решении всяких жилищно-коммунальных вопросов. Да ещё и деньги появились, что было приятно, скрывать не буду.

– Теперь я приглашаю тебя к себе в гости, – весело сказала Лера, помахивая, как веером, свеженьким свидетельством о собственности, когда мы шли по питерской улице, в то утро обласканной капризным северным солнцем. Лето было в самом разгаре – конец июля. Сделку мы отметили в хорошем ресторане, потом гуляли по Летнему саду. Вечером такси подвезло нас по знакомому нам обоим адресу. Только это был уже её адрес.

Белая ночь была тёплой. Опять назревал дождь, вспыхивали зарницы, потом посыпались тяжёлые капли, застучали по пластику карниза. Лера приготовила ужин. Она и на кухне была женственна и красива. Но я всё чётче понимал, что этот бонус – наши с ней импровизированные отношения – мною не заслужены, что скоро всё кончится, я уеду, а она будет жить своей жизнью, и не знаю, захочет ли ещё когда-нибудь увидеться со мной. Да к тому же я пришёл к выводу, что всё-таки себя обманываю, что я обычный неверный муж, который завёл интрижку на стороне во время поездки в другой город. Я ощущал гадливую неудовлетворённость собою: вот, пожалуйста – быстро продал квартиру, да ещё и развлёкся немного. Два в одном...

Наверное, это была защитная реакция, но я начал немного охладевать к женщине-майору, душевно дистанцироваться от неё. Да, она ладна и симпатична, но таких много. Как можно обнимать женщину, которая днём ковыряется в отрезанной голове? Представил себе разговор с друзьями за кружкой пива: «У меня, ребята, в Питере любовница есть, скажу вам по секрету: она – охотник за головами». Бредятина всякая лезла в сознание.

Но все глупости испарились, едва она вышла из душа, запахнувшись оранжевым полотенцем; на плечах её я увидел блестящие капельки воды. В то прекрасное мгновение я понял, что ещё немного, и – всё, я пропал! – я не смогу больше жить без неё! Начну ломать всю свою жизнь!.. И поэтому надо расставаться как можно скорее.

...Я и предположить тогда не мог, что уже на следующий день она мне в этом поможет.

– Лера, мне нужно ехать домой, – сказал я ей, когда утром мы, почти по-семейному, пили чай с тостами и мармеладом и слушали через открытое окно атональную музыку беспокойного города.

– Да, я помню, – сказала она, как мне показалось, суховато. Но при этом голос её едва заметно дрогнул, и я понял, что ей тоже не хочется расставаться. – Ты побудешь до завтра? Можешь ещё остаться?

– Конечно.

– У меня к тебе просьба. – Она машинально посмотрела на остывающий на тарелке тост, потом подняла голову, и я опять отметил эту её манеру смотреть прямо в глаза. – Мне нужно сделать одно дело, но мне тяжело будет одной. Хочу попросить тебя о помощи.

Я молчал, ожидая продолжения.

– Видишь ли, я тебе не говорила... Я ведь... я – вдова... Год назад погиб мой муж, он тоже служил в полиции, на оперативной работе. Погиб при исполнении. Такие дела...

Я молча кивнул и сел ровнее, поставив на стол кружку.

– Мне нужно заказать ему памятник. Сходи, пожалуйста, со мной. Мне... ты пойми...

– Конечно, схожу, ничего не надо объяснять.

– Спасибо.

Она положила цветы на его могилу. Пока здесь был только простой жестяной крашенный красный параллелепипед со звездой. С фотографии смотрел на меня человек с сильным, чуть полноватым лицом. Три большие звезды на погонах. Полковник. Я вспомнил, как она сказала мне: «Слушаюсь, товарищ полковник!» – и подумал, что, возможно, это у неё получилось по привычке, машинально, – так, как когда-то отвечала ему, настоящему полковнику. Которому уже никто ничего не напишет...

Мы шли к ней в сторону конторы по изготовлению гранитных надгробий. Лера была грустна.

– Что такое смерть? – неожиданно произнесла она. – Окончание самоощущения или самосознания? Или стирание крошечного файла на гигантском рабочем столе вселенского масштаба?..

Молчание...

– Возможно, смерть – это гениальный драматург, как когда-то сказал Пазолини. – Мне не хотелось, но пришлось поддержать этот нелёгкий разговор. И получилось у меня чересчур мудрёно, чуть хвастливо.

– Драматург? – удивилась Лера. – Почему?

– Да. Он считал, что только смерть выставляет алгоритм жизненного пути человека, рисует и навсегда закрепляет его вершины и падения. Пики и провалы. И только после смерти можно определить, что было кульминацией жизни человека. Ведь уже ничего больше не изменится, никогда. Всё уже случилось.

Она помолчала, потом сказала своим негромким горловым голосом:

– Он погиб на пике. Это, наверное, была его кульминация. Они брали очень опасного преступника. Тот потом получил пожизненное. А мой – посмертное... – Она словно очнулась, встряхнула волосами. – Ладно, и так грустно, не будем углубляться...

Этот разговор одновременно и отдалял нас друг от друга, и парадоксальным образом сближал. Разговор о бывших близких людях нередко рождает дистанцию, в разной степени замешанную на ревности, но в этом случае доверительность нашего с Лерой общения делала нас людьми всё более и более вставшими друг в друга – прошлыми проблемами и травмами. Но это нас затянет в опасную стадию, – снова подумал я с тревогой.

Мы подошли к гранитной мастерской.

Лера вытащила из сумочки фотографию полковника. Это была тот же снимок, копия которого была на временном памятнике. Теперь это лицо будет высечено на граните или мраморе и будет видно ей издали, едва она повернёт по кладбищенской дорожке направо.

Она обговорила какие-то детали с гравировщиком, потом оплатила заказ в окошке кассы. Я ждал её на расшатанном конторском стуле в окружении готовых могильных обелисков и чувствовал себя неудобно. Наконец, мы вышли на улицу.

– Пойдём, посидим на скамейке, – предложила она. – Надо отдышаться. Желательно никотином.

Она курила, прикрывая глаза в тот момент, когда выпускала дым.

– Заказы будут готовы через месяц, – сообщила она негромко.

Мне показалось, что я ослышался.

– Заказы? Или заказ? Почему во множественном числе?

Она выпустила струйку дыма, помолчала. На пыльных деревьях пели птицы, не ведая, что поют на кладбище. По узкой асфальтовой дорожке шла пожилая пара, грустная старушка несла пустое ведро, а старик с пустым взглядом – совок и небольшие грабли.

– Я ведь и себе заказала памятник, – вдруг заявила Лера.

Я не поверил своим ушам.

Уловив мой оторопелый взгляд, она пояснила:

– Но ведь рано или поздно он понадобится. Это неизбежно. Пусть будет. В чулан поставлю этот памятник, где у тебя какой-то ковёр свёрнутый хранится. Тёти твоей. – Она затянулась сигаретой и быстро выпустила дым. – Я военный человек, в конце концов. Всё может случиться, не ровён час... Дочка установит... В этой же мастерской, наверное, и высекут на камне вторую дату, когда понадобится...

– Но, Лера, – продолжил я, запинаясь, – извини, что вмешиваюсь в столь деликатную сферу, но... согласись... не в наших традициях живому человеку готовить памятник загоя...

Она сидела молча, и сигарета её превращалась в пепел, словно медленно горящий бикфордов шнур.

– ...Я давно умерла, – вдруг сказала она негромко сдавленным, больным голосом, – я умерла год назад, когда он погиб. Это лишь тело моё ходит. Я...

Она разрыдалась и уткнула лицо в ладони, согнулась пополам. Я приобнял её, пытаюсь успокоить.

Она выпрямилась, вытерла слезы, снова закурила.

– Извини меня. Спасибо, что ты помог мне... И сегодня тоже... Но я... Я думала – пройдёт год, и станет легче... И вот мы с тобой... а легче не становится... Прости меня...

В этот момент через прилив нежности к ней я почувствовал уколы самолюбия и смутного подозрения, что стал участником некоего унижительного для меня опыта – с моей помощью она, возможно, проверяла, покинула ли её боль утраты или же ещё осталась. Но нет, уверял я себя, это не так, это было бы слишком приземленно... но ведь она судмедэксперт, майор, а это предполагает известную жёсткость по отношению к людям. Внезапно я подумал: а не юродивая ли часом она, не сумасшедшая?... Ведь эта женщина будет жить в квартире, где в чулане поставит своё надгробье... Мысли мои были в броуновском движении, они рождались и тут же отметались, пристыженные. «Эрос и Танатос, разве можно вас разделить, вы свет и тень, вы плюс и минус!..» – кипело в моём сознании.

Мой поезд отправлялся через два часа. Мы не стали заходить в квартиру. Я предложил, чтобы тётушкина мебель послужила первое время новой хозяйке квартиры, а потом видно будет.

Мы с Лерой поели мороженого в кафе, выпили кофе, посидели, поговорили о том, о сём... Мы оба понимали, что это наша последняя встреча. Она проводила меня до вагона. Я поцеловал её на прощание.

– Лера, Лера, я с тобой голову потерял... – с грустью сказал я.

– Не теряй головы, – ответила она негромко своим горловым, так понравившимся мне, голосом. – Пусть голова твоя будет всегда на твоих плечах...

Образ чёрного куба и его содержимого тревожным облачком окутал этот нечаянно ставший двусмысленным диалог. В окно я увидел её приветливое, но уже показавшееся мне чуть

отстранённым лицом. Но, возможно, так проявилась в её лице грусть. Помахала мне рукой на прощанье. Поезд тронулся, и Лера, не сделав ни шагу вслед поезду, медленно начала сдвигаться к краю окна и вскоре исчезла, уплыла, а, возможно, и упорхнула неземным мотыльком из моей жизни.

Она знала, что мне известен её почтовый адрес, номер её мобильного телефона. И наверняка была уверена, что это всё мне никогда не пригодится. А я знал, что никогда не позвоню и не пришлю ей весточки. «Майору никто не напишет». Нет, в моей душе не шевелилась обида за её вольный или невольный «эксперимент», но уже появилось ощущение обоюдной ненужности. У меня своя жизнь, и не нужны мне чужие потрясения, у неё – своя жизнь... Всё верно, но...

Но знал и другое: что буду всегда помнить эту необычную и загадочную женщину, с которой познакомился в присутствии жутковатого чёрного куба. Содержимое его было своего рода воплощением самого Танатоса, который, кажется, повсюду сопровождал эту женщину и – манил, завлекал, вёл её за собой.

Звон тетивы

Всё идёт к тому, что сегодня, наконец-то, это получится. Только не было бы накладок. Неприятный будет момент, но без него никак. Итак, сегодня... А то он начал уже злиться. Два месяца он на этой дурацкой стройке, а всё никак не созреет удачная ситуация.

Матвей подумал, что если ненароком сдадут нервы, то он начнёт вести себя очень странно. Последней каплей в чаше терпения может оказаться... да хотя бы вот эта пластмассовая, розовая, с белыми царапинами, детская лопатка. Откуда она здесь, на стройке пафосного коттеджа? Ей место в детской песочнице, а она валяется в качестве скребка возле мягкого ведра с сырыми, серыми остатками цементного раствора. ...А вот сейчас он возьмёт да и бросит в сторону тяпку, схватит эту самую пластмассовую лопатку, найдёт какую-нибудь банку или кружку, сядет на кучу песка и начнёт, как в детстве, лепить «куличики»; будет с умильным, глуповатым выражением лица поливать песок водой из пластиковой бутылки, которая стоит сейчас в тени малинового куста, обсыпанного цементной пылью... Ну всё, хватит – пофантазировал, выпустил мысленно накопившуюся досаду, – и довольно: всё в порядке, успокоился и настроился на дело. Да, сегодня всё получится.

Матвей стянул засаленную бейсболку, вытер ею пот со лба.

– Эле... кушать нада, бригадир, – проворчал-пробормотал Мамикон; он толкал скрипевшую несмазанными колёсными спицами, наполненную щебнем и битым кирпичом тачку, чуть приседая от её тяжести.

– Шо? – не зло, но хмуро переспросил его Матвей. – Шо бубнишь, хлопец, давай разгрузайся и помогай растаскивать бетон. Уморився, чи шо? Устал?

– Эле... плохо обедал, есть хочу, – сердито ответил Мамикон.

– Ничё, потерпишь. – Матвей недовольно покривил коричневое от загара, в мелких бетонных крапинках, лицо. – Давай, паря, робыть трэба, пока солнце. Потом подхарчимся.

Всего на стройке работали пять человек: два украинца, таджик, армянин Мамикон и с ними Матвей, плохо идентифицировавшийся по национальному признаку. Он командовал работягами на провинциальном русско-украинском суржике и на нём же иногда с ними балагурил, травил анекдоты и байки. Слушали с уважением: бригадир!

Они растаскивали бетон внутри выкопанной по периметру дома траншеи, укрепляли фундамент. Серое, бугрящееся щебнем месиво каждый из работяг вываливал из тачки в траншею, а потом ровнял, тянул к себе тяпкой, подобно тому, как крупье в казино подтаскивает фишки специальной лопаткой.

Солнце, хоть и сентябрьское, пригревало. Постепенно оно оседало, а потом полностью провалилось за горизонт. Гастарбайтеры пошли ужинать и отдыхать в бытовку, что стояла на опушке ближнего леса.

Матвей постоял в сырой деревянной кабинке под струями душа, вместе с работягами выпил в бытовке водки, пожевал распаренную гадкую вермишель и дешёвую колбасу, прилёг вздремнуть на деревянной голой лавке.

...Сначала показались парящие в воздухе очки с красной оправой и красными, словно горящими изнутри, стёклами, потом очки стали чёрной, из детства, кошкой Маврой, и вдруг кошка обернулась молодой женщиной с гордой осанкой, с зелёными глазами, нос её был с лёгкой горбинкой, она источала тонкий пьянящий аромат, в котором угадывался запах ванили; потом, когда он приближался к ней, она снова превращалась в красноглазые очки, а потом оборачивалась чёрной кошкой, и он начинал гладить ласковое существо и вдруг понимал, что гладит её, Наташу, он гладит её по голове, обхватывает её плечи и, не сдержавшись, ныряет рукой вниз, гладит нежное и пушистое – но это опять оказывается чёрной кошкой, которая, переливаясь, превращается в красные очки... Потом вдруг Наташа – уже не Наташа, она обо-

ротилась огромной берёзой в наростах, лишайниках и чаге, и это дерево с грохотом валится на Матвея...

Он проснулся и сел на жёсткой лежанке. ...Да, это так, – он влюбился в неё, в зеленоглазую хозяйку строящегося коттеджа Наташу.

Нажал на клавишу, глянул в засветившееся сиреневое окошко мобильного: без пятнадцати час ночи. Бесшумно, осторожно покинул пахнущую «дошираком», перегаром, портянками, громко храпевшую бытовку.

Сначала подъехала Наташа, сама за рулём. Машина похрустела шинами по гравию и остановилась в неряшливом, необорудованном ещё, дворе.

Они стояли возле ворот, за домом; гастарбайтеры увидеть их не могли даже издалека. Матвей хотел поцеловать её в щеку, но она извернулась и впилась ему в губы. Потом чуть отпрянула и посмотрела на него с тревогой и мольбой:

– Нервничаю я, Мотя.

– Всё будет хорошо, моя милая, не волнуйся, – без всякого малороссийского акцента сказал Матвей. – Ты ложись спать, а я... погуляю, покурю... во дворе...

Она сложила на груди руки, её знобило. Кивнула и молча открыла временную железную, некрасивую пока, ещё некрашеную дверь в строящийся кирпичный дом и прошла в единственную готовую комнату. Вскоре в окне этой комнаты погас свет.

А через час подрулil Линза. Он отпустил водителя, потом долго курил на крыльце сигару, видимо, прихваченную из клуба, шурился на яркую луну. По-хозяйски обошёл дом, посмотрел, как заполняется бетонный пояс. И вдруг замер, зашатался, стал оседать и уносящимся в никуда сознанием успел понять, что ему воткнули нож в шею.

Золотая цепочка порвалась и упала в траншею, затем в неё свалился тот, чью борцовскую шею и мохнатую грудь она только что украшала.

В траншее, ждавшей своей партии бетона, упокоился муж Наташи, которого она давно возненавидела и долго терпела. Всего несколько минут назад она была его женой, а теперь стала вдовой. «В какую секунду она стала вдовой? – вдруг подумал Матвей. – Как это можно вычислить?»

Матвей бросил мокрый красный нож на труп Линзы. Потом быстро, действуя как стремительный робот, завалил тело тяжёлым мокрым бетоном, стоявшим в подвале дома в нескольких тачках. Он незаметно вечером припрятал эти тачки за мешками с гидроизоляцией. В бетон добавил замедлитель схватывания.

И вот ещё один участок бетонного пояса вокруг строящегося коттеджа готов.

«Древние славяне при закладке дома приносили в жертву скот и домашнюю птицу, укладывали их в фундамент. А ведь семиотика этого обычая – это жертва как основа сотворения мира. Мир наш возведён из жертвы, если верить космогоническим преданиям... А библейский жертвенный агнёнок?.. Но Линза – не агнец, хоть и отдан на заклание», – думал Матвей, во дворе поливая руки водой из пластиковой бутылки (той самой, что стояла днём в тени малинового куста) и долго вытирая их полотенцем. Устало сел на ступеньку короткой лестницы, затянулся сигаретой и выпустил дым, представляя себе, что вместе с этим дымом, в виде этого дыма уходит в небо его нервное напряжение и досада от странной и запутанной ситуации. Потом он ещё раз осмотрел новый фрагмент бетонной опояски: всё аккуратно. Равнодушные ко всему от накопившейся усталости гастарбайтеры и не заметят поутру, что серая окантовка вокруг дома стала длиннее на два метра, и на столько же стала короче пустая траншея.

Матвей вошёл в комнату. Наташа лежала в кровати с открытыми глазами, её колотило, она постукивала зубами. При свете луны лицо её было белым.

– Всё? – глухо спросила она.

– Да.

– Закопал?

Он тяжело перевёл дыхание:

– Забетонировал.

– Иди ко мне, быстрей.

Он обнимал её, они любили друг друга, он шептал ей нежные слова, они пили виски, курили сигареты и сигары, а она всё никак не могла успокоиться.

– Боже мой, боже, – шептала она, – это же грех, этот грех ложится на нас обоих...

Но теперь мы вместе, навсегда, да, Мотя?

– Конечно, Наташенька, любимая моя...

Луна сверкающей монетой висела в окне. Матвей встал с кровати и задёрнул чёрно-серые клетчатые шторы. Наташа плакала, вытирала слезы простыней и маленькой подушкой из цветных лоскутков. Постепенно успокаивалась. И неожиданно спросила:

– А бетон уже схватился?

– Пока не полностью. Ещё около часа, и... и будет монолит.

– Ясно... Сегодня полнолуние... Знаешь что, – она заговорила почти спокойно. – Почитай мне то стихотворение, как тогда в мае, когда мы познакомились. Ну, на палубе, когда мы подходили ночью к Валааму. Это когда, помнишь, сильно опоздали из-за шторма на Ладоге. Тоже ведь было полнолуние. Про полнолуние почитай. Пожалуйста.

– Про полнолуние? Тебя понравилось?

– Да. Очень. Это твоё было или ты тогда обманул меня? Наверное, хотел мне понравиться? – она судорожно перевела дыхание, попыталась улыбнуться.

– Конечно, хотел. Но не обманул. Да, сам сочинил. К одному спектаклю, но не для ТЮЗа, а для другого театра. Но оно не понадобилось...

– Ну почитай...

Он, лёжа, подперев рукой голову, стал негромко декламировать:

Белая луна из обрывков снов...
И она ночью душной
Пугает и мучает.
Смутная вина из осколков слов...
И они мне царапают душу
Углами колючими.

Быть или не быть?
Жить или не жить?
Может, и не надо плыть
Между тёмных скал?
Может, эту жизнь
Лучше отложить,
Чтоб не видеть зло и его оскал?

– Хватит, милый... Спасибо. Дальше не надо. И так на душе тяжело.

Она почти по-детски всхлипнула... потом вдруг изменилась, напряглась, сверкнула в инферальном лунном свете неприятной, злой улыбкой:

– Бетон скоро схватится... Знаешь, а он... – она быстро сглотнула, как будто подавилась словом «он», продолжила: – ...он другой могилы и не заслуживает. На нём самом крови, что того бетона в траншее.

Матвей молча кивнул.

– Всё, больше не хочу о нём... Давай спать, мой хороший... Завтра тебе снова играть роль гастарбайтера... Знаешь, – она погладила его по голове, нежно, по-матерински, – и хорошо, что

тебя уволили из этого дурацкого ТЮЗа, ну сколько можно зайчиков и буратин изображать... ты ведь рассказывал... Ты ведь не мальчик... Знаешь что, – она оживилась, – я этот недострой продам, и уедем мы с тобой жить, скажем, в Испанию. Или... ну не знаю... на Кипр, может быть... Подумай об этом, ладно? Ну что нас тут держит?.. И вообще – мы с тобой в этой жизни не артисты, а режиссёры. Правда? По большому счёту. Что, не согласен?

– Ну-у... я подумаю обо всем этом.

– Подумай, мой милый... Я люблю тебя больше всего на свете.

– И я тебя...

Она обняла его и забылась тревожным сном, чуть брыкаясь и всхлипывая от не отпускавшего её стресса. Рядом, через каменную стену, под бетонным саркофагом лежала почти сакральная жертва – труп её мужа с перерезанной шеей.

Матвей прикрыл глаза. Он не спал. Он чувствовал, что очень устал. И не только от сегодняшней работы, от напряжения, от казни у края траншеи. Он устал от всей этой истории. Решение о ликвидации Линзы было принято, когда появилась информация о заводе по производству оправ для очков. («Оправы, очки... – так вот почему мне снились эти странные красные очки! Красные от крови?» – подумал Матвей). Как, однако, ловко воспользовался пробелом в законодательстве толстошей и свинцовоглазый бывший вор в законе, а впоследствии авторитетный делец Феликс Токарев, в своих кругах именуемый кличкой Токарь.

В сводках и ориентировках он проходил под другим псевдонимом – Линза.

Матвей вспомнил тот разговор с полковником. Тот, сидя за служебным столом, протянул Матвею фотографию Линзы.

– Решение о его ликвидации было принято, – быстро говорил полковник, – когда появилась информация о его переговорах с иностранцами о контрольном пакете акций. Речь идёт о заводе по производству оправ для очков. Оправы оправами, но предприятие по производству мирного и безобидного товара в случае войны быстро конвертируется в завод по изготовлению пороха. Сырьё, материалы – практически те же. Переналадка оборудования – несколько дней.

Полковник встал из-за стола. Матвей поднялся.

– Сидите, майор, – махнул рукой полковник.

– Тут вот такая штукавина, – продолжал полковник. – Но то ли по недомыслию, а скорее – по злему умыслу – завод стратегического значения не был включён в список предприятий, приватизация которых с участием иностранного капитала категорически запрещалась. Этим воспользовался Линза... Ни посадить, ни даже задержать его по закону не удаётся – он умён, хитёр, изворотлив и не жалеет денег на взятки... А потому понадобились мы. Ищите подходы к нему любыми способами. Автомобильная катастрофа исключается, надо сделать так, чтобы он исчез бесследно, и его акции «подвисли» на максимально длительный срок, чтобы на них не претендовали наследники. К этому времени, надеюсь, завод всё же внесут в стоп-лист... Вот так, майор. Попробуйте через жену, она, кстати, у него красавица... После ликвидации немедленно уходите.

Матвей Белоколот, офицер сверхсекретного подразделения «Тетива», после получения приказа несколько месяцев подбирался к решению задачи... и вот вопрос закрыт. Точнее – зарыт. В бетон вмурован труп человека, представлявшего угрозу государственной безопасности.

Дело сделано. Матвей почувствовал облегчение, словно в его душе, выпустив с лёгким звоном стрелу, ослабла тетива, последние месяцы туго натянутая. Пусть не стрела, а нож в его руке поразил живую цель. Совершенно секретный приказ выполнен... Ну хорошо. А что дальше?.. Матвей не хотел об этом думать... Есть задачи державные, есть присяга, а есть личные переживания... Занозой свербит в сердце необходимость покинуть эту женщину. Теперь ему надо уходить. Уходить от дурацкой бытовки, от кирпичного дома с трупом в качестве краеугольного жертвенного камня... И от неё, от Наташи. Навсегда.

Она успокоилась и спала теперь глубоко. Матвей поцеловал её в щёку, осторожно высвободил руку из-под её головы с разбросанными по подушке волосами. Быстро оделся, несколько секунд постоял, прислушиваясь к дыханию любимой женщины, потом быстро, бесшумно вышел из дома. Набрал номер в мобильнике:

– Ты на месте? Уходим. Так точно, работа сделана. Буду на трассе через двадцать минут, где условились. Закажи мне билет на ближайший самолёт. Одежду приготовь. Фары не включай. Я тебя увижу, когда подъедешь, светло: полнолуние.

В самолёте его терзал навязчивый сон, где снова лентой переливались, сворачивались, превращались друг в друга никогда не виданные им красные очки, оставшаяся в далёком детстве чёрная кошка и – женщина, влюблённая в него, красивая, нежная, решительная, жестокая, зеленоглазая...

Ретушёр Кларочка

– Да что ты, Настёна, ещё как интересно было! Однажды одного одноглазого мужичка полностью зрячим сделала! Смеёшься, – а ведь правда! Это когда я работала ещё в Воронежской области, в районной газете. На первой полосе, значит, готовится фотка передового председателя колхоза, так вот перед тем, как делать клише, надо было мне, ретушёру, обработать снимок. Смотрю – гла~~з~~а одного не видно, белое пятно, ну, думаю, блик при съёмке или брак при печати. (Тогда же фотографии для публикации сначала печатали на бумаге, иначе никак). Время поджимало, и я сгоряча ему второй глаз подрисовала! «Прозрел»! А у него, Настюш, на самом деле, слышь? – бельмо было.

Бабушка Клара засмеялась, затрясла очками и седыми, с синим оттенком, волосами.

– Прозре-ел, Настёна!.. – она аж задохнулась от смеха. – Ну а мне потом – выговор, даже премии лишили. Хорошо, что по партийной линии не пропесочили.

– Бабуль, а ты что, в партии состояла?

– А как же! Я же была бойцом идеологического фронта... Что ты! Строго было!

– А какой партии ты была членом, бабуль?

Клара Ивановна недоумённо посмотрела на сидевшую за столом на дачной веранде пятнадцатилетнюю внучку, впившуюся зубами в готовый развалиться в её руке эклер.

– Мы тогда были коммунистами.

– Угу, – внучка не дала эклеру потерпеть катастрофу и благополучно затолкала его в рот. Прожевав, она сказала: – Бабуль, а что, правда, что ты была лучшим ретушистом... то есть, в смысле – ретушёром области?

Бабушка заулыбалась, стала наполнять гжельские чашки зелёным чаем, запахло бергамотом. Над дальним лесом, верхушки которого виднелись с дачной веранды, самолёт, словно мелом на голубой доске, рисовал в небе белую линию.

– Ну была, – подтвердила Клара Ивановна удовлетворённо, отхлебнула чаю и печально посмотрела на вазочку с эклерами, туго набитыми запретным холестерином. – У меня даже грамота хранится – «Победителю областного конкурса ретушёров», – продолжила она. – Да, было такое соревнование на скорость и качество. Я победила! – Бабушка подняла чашку чая, и внучка, включившись в игру, чокнулась с ней, словно они пили шампанское по торжественному случаю. – А ты не опоздаешь на тренировку?

– Уже опоздала. Не пойду сегодня. Надоел этот хлористый бассейн. И электричка ещё больше надоела. И тренер зануда. Бабуль, ещё чё-нить расскажи, плиз.

– ...А то был ещё один интересный случай, – вдохновенно продолжила старушка. – Как раз накануне смерти Сталина. Ну слушай. Тогда боролись с безродными космополитами и врагами-убийцами... Да-да, Настенька, время было такое, надо было народ в строгости держать, пресекать крамолу, бороться с внутренним врагом... Чего кривишься? Знаю, знаю, что об этом пишут сегодня в ваших учебниках. Это ладно, я тебе политинформацию читать не собираюсь. Я о своём. В журнал должна была пойти фотография со съезда кардиологов. Групповой снимок. Все в белых халатах стоят, – учёные, мозги кручёные... В колпаках накрахмаленных, в очочках многие, с бородками. Профессора! И приходит ко мне главный редактор журнала – а я сидела в крошечном таком кабинетике, мы его карцером называли, – и говорит мне, показывает на фотку:

– Вот этого толстячка бородатого ты, Клара Ивановна, убивай безжалостно. Сотри с лица земли этого врача-вредителя! – приказывает, а сам так ухмыляется и трубочкой попыхивает, дымок пускает. А табачок у него душистый, он его коньяком опрыскивал и после сушил между ставнями, мне секретарша рассказывала.

– Ты, бабуля, не отвлекайся, про «убивай» дальше рассказывай, – нетерпеливо попросила внучка.

– А дальше как раз скандал и вышел. Тогда-то меня и уволили.

– Ты что, бабуля, отказалась замазывать на фотографии «врага народа»? – с воодушевлением спросила внучка.

– Куда там, – махнула рукой Клара Ивановна. – Откажешься, как же... Да замазала... врача-вредителя того... куда денешься... Но не заметила, что он ногу так в сторону отставил... торопилась... И напечатали в журнале: стоят врачи-профессора, один другого краше, а у одного из них даже три ноги! Мудант или как это...? – специально оговорила бабушка.

– Мутант, – поправила внучка, подавив улыбку. – Три ноги – это круто! А сам «Доктор Айболит» типа испарился... Да, бабуля, так ты у меня прямо киллер какой-то! Людей своей кисточкой – чик и нету! А вообще-то сегодня это в графическом редакторе делается за пять минут... Например, в фотошопе.

– Охо-хо... – заохала бабушка, – опять, Настя, неприличные глупости какие-то говоришь...

– А может, ты, бабуль, специально оставила «третью ногу», чтобы показать потомкам лживость сталинского режима? – встрепенулась внучка.

– Ну конечно, Настёна, конечно, специально... – Клара Ивановна отмахнулась от внучки. – Пусть будет так... Ни черта ты не поняла.

– Моя бабушка – герой, борец с тоталитарным режимом! – наигранно отчеканила девочка и, отгоняя муху, потянулась за очередным эклером.

Но бабушка промолчала, помахала головой. Вздохнула и стала собирать чашки. Солнце садилось и уже нанизалось на пики верхушек леса. Казалось, что солнце вот-вот лопнет, как воздушный шарик, нарвавшийся на колючку.

– Эх, Настён, Настён, никто не знает, как лучше-то жить, как надо, чтобы по правде...

Но внучка уже не слушала Клару Ивановну. Девочка-подросток, отложив пирожное, внимательно, с недовольным лицом, читала на экране планшета чьё-то электронное письмо. Бабушка посмотрела на неё с нежной грустью и понесла поднос с чашками в кухню, тревожно поглядывая на часы: боялась пропустить бесконечный телесериал, до конца которого она уже и не надеялась дожить. До сериала было ещё время, и бабушка прилегла в своей комнате, подложив под голову подушку с самодельной аппликацией – белые лебеди на голубой глади пруда, прикрыла глаза – и стала вспоминать то, о чём она не рассказала внучке.

Да, была «третья нога», был скандал... но кто же знал, что всё так обернётся. Главный редактор, любитель трубочного табака, фронтовик, в орденах и медалях, был любовником молоденькой сотрудницы Кларочки. Она не смогла устоять перед ним, когда однажды вечером, когда ретушёр заканчивала большую срочную работу и засиделась допоздна, он вошёл к ней в небольшой кабинет (тот самый «карцер») с бутылкой шампанского и свёрнутым из «Правды» кульком шоколадных конфет.

– Составь компанию, – вовсе не властным, а совсем другим, проникновенным, голосом попросил он её. – Шесть лет назад был мой крайний бой. Потом – госпиталь. И – Победа. Я всегда отмечаю день, когда был ранен. В Польше было дело. Вот. Так получилось сегодня, что не смог встретиться с боевыми товарищами. Семья на даче. Хорошо, что ты задержалась на работе. Прошу тебя, давай вместе отметим, если ты не торопишься.

Он впервые назвал её на «ты». И тот вечер стал романтическим и, наверное, для обоих неожиданным. Так продолжалось полгода. Бравый и красивый фронтовик очаровал Кларочку своими густыми прокуренными усами, кудрями на большой голове, лицом доброго и сильного человека. Она знала, что во время войны он был танкистом и однажды спас весь экипаж, когда их машину подбили... Наверное, Клару устраивали бы и такие ненастоящие отношения, если бы однажды он не сказал ей, что хочет жениться на ней и для этого готов развестись

со своей супругой, оставить семью. И подарил изумлённой девушке красивое кольцо с изумрудом.

– Хоть и не принято у нас обручаться, а нам с тобой – можно. – Он посасывал холодную трубочку и улыбался ретушёру Кларочке.

Она была счастлива и уже присматривала свадебное платье. Но вдруг всё изменилось. Жена главного редактора побежала жаловаться в партком, в райком, куда-то ещё. Его чуть не сняли с работы. Потом он пришёл к Кларе в кабинетик, где пахло гуашью и надеждой, и сказал:

– Кларочка, извини. Есть обстоятельства сильнее нас.

Она помолчала. Потом спросила с укоризной во взгляде и горькой усмешкой:

– Какие? Партбилет?

И вдруг его прорвало:

– Что ты знаешь об этом, дурочка!?

Она взяла отпуск и весь его проплакала в подушку, ту самую, что сохранилась и по сей день – с лебедями на глади пруда, которую она смастерила ещё студенткой полиграфического техникума.

А потом пришло холодное и трезвое понимание: да, ею пожертвовали. Жестоко пожертвовали ради карьеры. И она решила отомстить. Она прекрасно знала, что произойдёт, когда выйдет номер журнала с «трёхногим» профессором, лечившим многих членов ЦК. Подгадала так, что номер сдавали в типографию в спешке, в суете, с опозданием. И вскоре разразился большой скандал. Но наказание было несоразмерным: главного редактора не только выгнали с работы и из партии, но и посадили по «политической» статье. И грянувшая вскоре смерть Сталина не спасла его – через полгода после приговора суда он погиб в зоне, в цехе деревообработки. На бывшего главного редактора рухнул сорвавшийся с подъёмного крана огромный станок, который готовили к установке. Несчастный случай...

Или всё-таки – страшная месть?

Каждый раз, вспоминая это, она предпочитала не углубляться, а накрывала своё сознание и свою память чем-то вроде белья.

...Клара Ивановна испуганно взглянула на часы.

– Настён! – позвала она. – Включай телек! Пусть нагревается.

Старушка никак не могла привыкнуть к тому, что у них на даче современный телевизор, а не советский ламповый. Она настраивалась на сериал, прогоняя из своего сознания канувшую в прошлое, но не исчезнувшую из памяти ретушёра Кларочку, чьи грехи достались по наследству ей, седой и очень усталой от жизни женщине. И за все прошедшие годы ей так и не удалось в своей душе полностью «заретушировать» чувство вины за то, что было сделано ею давно, но саднило, саднило до сих пор. И никакое «бельмо» не спасало от боли в душе.

Фея по имени Даша

Он обошёл стоянку разнокалиберных, разноцветных и запылённых такси. Насупленно смотрели ему вслед усталые, сонные водилы. Было шесть часов утра. На станции сошло человек пять-шесть, включая его, и все пошли пешком. Город был маленький, тихий, ходить по нему было приятно, и это рождало в душе Анатолия умиротворение. Он любил гулять здесь ещё в бытность свою маленьким Толиком. Тогда улицы были замощены лоснившимся на солнце булыжником, но потом камни залили банальным асфальтом. А жаль.

С невидимой, но близкой, реки тянуло свежестью и обещанием приключения, как когда-то в детстве. «Толик ещё будет, ой-ой-ой!», шутливо, переиначив популярную некогда песню, напевала ему мама, когда они гуляли по мягкой, нежной, податливой набережной, ещё не законченной в бетонный пояс, а тогда сплошь поросшей тонкими смущёнными зелёными ивами. Асфальт и бетон лишили городок его непосредственности, нежности, уюта. Ну да это уже не мои проблемы, подумал Толик.

Толик, программист, отец двоих детей, любящий муж и отец, законопослушный гражданин Канады, владелец небольшой сервисной фирмы в пригороде Торонто, прилетел накануне вечером в Москву, до этого стойко перенёс вынужденную посадку в Мадриде по погодным условиям и двухчасовое томление в аэропорту с его красивыми, дорогими и бездушными бутиками и безвкусными гамбургерами. Он быстро пересел с корабля на бал, едва успел переодеться в туалете «Шереметьева», доехал до Белорусского вокзала и там без особых хлопот стал железнодорожным пассажиром.

Что его привело сюда, в этот городок-с-ноготок, с простенько одетыми людьми, работниками местного завода по производству комбикормов и небольшого мясокомбината? Нет, не ностальгия. Ему нужно было встретиться с ней, с Феей, и дальше что-нибудь придумать, ситуация подскажет.

Феей её прозвали ещё в школе. Фея – вовсе не потому что особо красивая, носик у неё был длинноват, а ножки совсем даже наоборот, почему и не взяли девочку в балетную студию (она долго переживала). Фея – это было её прозвище, заменившее обычное имя Даша на производное от её фамилии – Фефёлкина. Все так и называли её Феей, включая не лишённых юмора учителей.

Накануне он нашёл свою одноклассницу в одной из социальных сетей, они списались, и Толик предложил Фее-Даше встретиться, когда он будет проездом в славном провинциальном городке в верховьях Днепра.

Он подошёл к набережной, тихой и приветливой, уже солнечной. Сидевший на скамейке старик, грустный, со скомканным жизнью коричневым лицом, кормил подсолнечными семечками суетливых голубей. Два молодых парня в одинаковых, псевдофирменных спортивных костюмах, бежали вдоль реки. Больше здесь никого не было. Городок досматривал последние сны, нарезанные из обрывков старых и свежих впечатлений и смонтированные затейливой программой Морфея.

Он набрал на мобильнике домашний заокеанский номер телефона. Жена тотчас взяла трубку, спросила в своей нервной задыхающейся манере:

– Как долетел? Ты в Москве? Я знаю, что вас тормознули в Мадриде.

– Всё в порядке, Агнесса. Я в Москве. Как дети?

– Спят. Не хотят, засранцы, говорить со мной по-русски. Тебя боятся, с тобой говорят...

– Приеду, лишу сладкого. Так и скажи. Как мой прадед-дворянин наказывал моего дедушку в детстве.

Агнесса рассмеялась:

– Ты сам там не объешься сладкого, ладно?

– Я буду соблюдать диету, – хохотнул в ответ Толик, оценив игривую двусмысленность наказа Агнессы. – Спокойной ночи!

– И тебе... фу ты... там же утро... Доброе утро! Ты из Москвы куда-нибудь ещё съездишь?

– Да нет, не успеваю, много дел в столице... – спокойно и уверенно соврал он жене.

А вот звонить Фее пока было рано. Толик зашёл в кафе с заспанной официанткой и вечерашними пирожками с повидлом, заказал чай и попросил принести ему утреннюю газету. Официантка посмотрела на него удивлённо.

– Я пошутил насчёт газеты. Извините, – сказал он лупоглазой девушке в накрахмаленном кокошнике и пообещал себе не забывать, что он в России, а не в Канаде, и это не его любимое кафе «Golden box».

Это, неканадское, кафе размещалось там, где когда-то была не очень опрятная, но весёлая пельменная под трогательным, но совершенно необоснованным названием «Ёлочка». Никакой ёлочки там отродясь не было, но никто по этому поводу не переживал. Старшекласниками они отчаянно впадали здесь в бездны портвейно-пельменного разврата, иногда в компании подружек, уже почувствовавших в себе сладость собственной магии влияния на мужчин, власти над ними, пусть пока ещё только над одноклассниками, боровшимися со своими подростковыми прыщами, полудетскими манерами и комплексами переходного возраста.

Фея тоже ходила порой в это заведение общепита, где лихо, видимо, подражая разбитной мамаше, чокалась с друзьями и подружками стаканами с портвейном. Она любила выпить и закусить, а потому к концу десятого класса стала толстенькой и казалась бы совсем простушкой, круглолицей и конопатой, если бы не её пышные волосы цвета соломы на солнце, которые она часто заплетала в толстую, как канат в их спортзале, косу. Таких волос, как у Феи, не было ни у кого в их школе, да и вообще никто из местных девушек не мог бы похвастаться подобным богатством. Откуда оно было у Феи? Ни у матери, невзрачной обвальщицы мяса на комбинате, ни у крепко пившего отца, контролёра тары на комбинате комбикормов, ничего подобного не наблюдалось. Наверняка, от какой-то бабушки или прабабушки достались эти золотые волосы. Золотое наследство Феи... «Золотая Фея»... «Golden Fairy»... Это ведь так красиво, звучно, – отметил мысленно Толик. И добавил с усмешкой: а также – символично и весьма многообещающе...

Он посмотрел на часы: время за чаем и лишённым внутреннего содержания пирожком пробежало быстро. Расплачиваясь с официанткой, спросил, вспомнив фирменное блюдо канувшей в лету «Ёлочки»:

– А пельмени у вас бывают?

– У нас всё бывает, – ответила та немного напряжённо. – Будете заказывать?

– В следующий раз. Зайду с девушкой вечером или завтра.

Он кивнул заулыбавшейся официантке и пошёл к выходу из кафе. На стенах висели аляповатые картины. Наверняка творчество кого-то из местных, считающих себя художниками. На одной из картин был изображён городской парк. Как раз за ним и был тот самый дом.

На улице он набрал номер конопатой феи. Он был уверен, что её веснушки по-прежнему на месте.

– Слушаю, – услышал Толик в трубке голос немолодой уже женщины.

– Привет, Фея, – сказал он.

В трубке немного помолчали, потом Фея, словно спохватившись, залепетала:

– Толик, так это ты, ты уже приехал! Я думала, ты это... ну, короче...

– Короче не получилось, летел через океан.

Фея громко захохотала, Толик отвёл трубку от уха. На асфальте валялись упавшие с деревьев маленькие грушки-дички, в детстве их старались не есть: родители пугали тем, что они отравлены выхлопными газами.

– Толь, а Толь, дорогу-то не забыл? – спросила Фея.

– Не-а, помню, – нарочито по-простецки ответил Толик. Простушка и не заметит иронии. – Но я вначале устроюсь в гостинице, и зайду вечером на чаёк. Муж не против будет?

– Муж объелся груш, – без претензий на оригинальность ответила Фея.

– Отравленных выхлопными газами? – решил уточнить Толик.

– Да развелась я, Толь, – с бабьим вздохом поведала Фея. – Год назад как будет. Одна живу. Я же писала тебе в личку на твою «КанаДчикову дачу».

Толик оценил неожиданную в устах Феи остроумную игру слов и засмеялся. О том, что она развелась год назад, он помнил, но решил схитрить:

– Извини, забыл. Старею, мамочка...

– Да все стареем, – грустно поддакнула Фея. – Ну, устроишься, заглядывай. Считай, что домой идёшь. Ведь сколько лет мы соседствовали, считай с восьмого по десятый класс... Двор, правда, изменился. Короче, сам увидишь.

– Давай сначала вечером встретимся в кафе в парке. Оно на месте? – спросил Толик.

– На месте оно, что с ним станется. Давай в семь. Лады?

– Лады, – в тон ей ответил Толик.

Они встретились легко и почти без смущения, словно и не канули в историю эти несколько лет. Время пока щадило их, не спешило отпечатывать на их внешности очень уж заметных знаков усталости, физической и моральной. Они чмокнули друг друга в щёки, пошли в парк. Сидели на веранде кафе, пили фруктовые коктейли, заказал Толик и коньяк ради такого случая: встретились одноклассники, есть что вспомнить.

А что вспомнить? Возможно, было что вспомнить Фее – но не из событий внешнего плана, а скорее из области своих переживаний, девичьих грёз, надежд и их зеркальных чёрных двойников – разочарований. Впрочем, сама Фея никогда не смогла бы так красиво сформулировать всё это. Она была девушкой бесхитростной. Но доброй. Если она приносила в класс напечённые матерью пирожки, то угощала всех. Плакала на индийских фильмах, брала с собой в кинозал для этого аж два носовых платка.

Семья, в которой она выросла, была простой по форме и содержанию. Когда Толик однажды зашёл к ним в гости, в соседнюю квартиру одноэтажного дома на две семьи, то, приглашённый к столу, удивился, что никто в семье не пользовался ножами. Когда он вежливо попросил нож, то мать Феи удивилась: «Зачем? Хлеб же я нарезала ж...» Толик приходил тогда (кажется, они были в девятом классе), чтобы отдать Фее подклеенные учебники, которые упали в снег и раскисли. Тогда весёлой компанией они играли в снежки, и многим мальчикам, наверное, казалось, как и Толику, что, попадая в девочку, он совершает некий акт телесной близости посредством белого комочка. А получив в ответ от девочки меткое попадание снежком, Толик фантазировал о том, что белый необидный снаряд принёс теплоту ладони и запах кожи маленькой дамы. Снежки лепили голыми руками, не в перчатках, так получалось быстрее.

Фея была влюблена в Толика с восьмого класса, когда он перешёл в их школу. Она по простоте душевной не могла скрыть свои чувства, делилась с ними подружками, не могла прятать влюблённые глаза, потом стала слать Толику наивные любовные записки с грамматическими ошибками. Ему она совершенно была неинтересна: он был влюблён в Валью, тонкую интеллектуалку из семьи крупного местного чиновника. Валя бредила Булгаковым, Тарковским, читала по-английски (мама её преподавала этот язык в другой школе). Стройная, утончённая интел-

лектуалка резко выделялась на фоне простеньких, без претензий, пусть порой и симпатичных, местных школьников. И Фея была лишь фрагментом этого фона.

Однажды они поехали на соревнования по спортивному ориентированию, где три дня бегали с компасами в лесу. Был май, ещё бывало по ночам прохладно, а днём по-летнему жарко. Вечером сидели с гитарами, деки которых отражали переливы огня в костре. Нарушали спортивный режим, попивали портвейн втихоря...

Толик посматривал сквозь огонь на Валу, и её лицо иногда казалось ему горящим в пламени. Он и сам к тому времени горел юношеской к ней влюблённостью – но тайно, платонически, боясь обидеть торопливым действием хрупкую, ранимую и с обострённым чувством собственного достоинства девушку. Потом подсел к ней поближе, вместе со всей компанией они пели песни Высоцкого и Визбора. Толик пытался заговорить с Валей, но та отшучивалась, отводила взгляд. Ничем дело и не кончилось: Валя ушла спать к себе в палатку. И тогда к Толику подошла Фея, сказала:

– Толь, пошли погуляем к речке.

– Зачем? – рассеянно спросил расстроенный уходом Вали Толик.

Фея растерялась, не знала, что и сказать. Поникла головой. Лицо её оказалось напротив костра, и Толик отметил, что щёки её покрыты пушком, который сейчас, при свете пламени, казался красным. И носик длинный блестел. Ну совсем она ему не нравилась. ... Когда во дворе она о чём-то с ним заводила разговор (чаще всего о живших у неё в аквариуме двух водных черепахах), путанно и косноязычно, он слушал её вежливо, но с затаённым снисхождением, как говорят с глупым, не совсем здоровым, ребёнком. Воспитанный в духе джентльменства, он не мог её оборвать или перебить и, сдержанно улыбаясь, слушал вполуха, думая о своём...

– Как зачем? – переспросила тогда Фея. – Это... Да просто... Короче, не знаю зачем.

– Тебе что, страшно одной идти к речке?

– Ну да, страшно. Стремаюсь я чё-то, Толя.

Ему было неловко. Отказать невежливо, а гулять с ней ему совсем не хотелось. Но воспитание взяло своё, и они пошли к речке. Молча бродили вдоль берега. Толик помогал Фее удержаться на ногах в тех местах, где тропинка сильно кренилась к воде: он брал её за локоть, и она начинала волноваться и едва заметно дрожать. Потом взяла его под руку и крепко держала, словно боясь упустить долгожданную и желанную добычу. Толик чувствовал себя не в своей тарелке, но начался дождь, и он помог завершить странную и нелепую прогулку.

Но однажды это всё-таки случилось. Сразу после выпускного бала в школе. Родители Феи уехали в деревню к родственникам, и она позвала Толика по-соседски на чай, а потом... а потом они оказались на соседних подушках. ... Фея уснула на руке Толика. Её волосы щеко-тали ему шею. Он осторожно высвободился, досадуя и на себя, и на Фею. Он не знал, зачем ему это было надо. И надо ли было вообще. Подошёл к окну. Рассеянно смотрел, как колеблется на асфальте свет уличного фонаря, который качался под порывами ветра. В темноте белел крылом неведомой птицы бок заварного чайника, отражавший зыбкий свет всё того же фонаря. В темноте в комнате слышалось глухое постукивание камней, и Толик не сразу сообразил, что это всё никак не уймётся, не улягутся спать водные черепахи в аквариуме. Наверняка романтически настроенная хозяйка забыла их покормить. Любимицы Феи, которые всех нас переживут, подумал Толик. И ещё его озадачила новая ситуация в отношениях между ним и вчерашней одноклассницей.

И как теперь им, соседям, общаться во дворе, на улице? Ведь их отношения перешли в новую фазу, и не получится не придавать этому значения. Впрочем, это, может быть, лишь ему так казалось под давлением внушённых с детства стереотипов реакций и поведения в тех или иных ситуациях? Может, для Феи это было проще? Но нет, не было, и Толик в этом вскоре убедился. Последовали с её стороны долгие и навязчивые, порой ноющие, нудные и хнычущие

признания в любви, пожелания быть рядом. Так продолжалось полгода. Потом ситуация разрешилась. «Я всё поняла, – сказала однажды длинноносая златовласка. – Я больше ни о чём тебя не буду просить и не буду даже на эту тему разговор заводить. Мне хорошо от того, что мы живём рядом, соседи всё-ж таки. Я, Толь, радоваться за тебя буду...»

...И кто бы мог подумать, что ей так остро станет жизнь не мила, едва только Толик с родителями внезапно, поспешно и даже, можно сказать, судорожно отбыл за океан? (Как только наступили новые времена, у отца Толика внезапно обозначилась сестра в Канаде).

Фею-Дашу успели спасти, мать её, к счастью, вернулась домой в этот день раньше времени, отпросившись к врачу, и забежала в квартиру взять какие-то вещи. Фея уже была еле жива, плавала в красной жиже в ванне. Откачали. Точнее – быстро вкачали в вены девушки кровезаменитель, а потом и донорскую кровь. Два месяца пролежала в больнице. От всех этих переживаний вскоре скончалась мать Феи, а еще через два или три месяца несостоявшаяся самоубийца похоронила и отца-алкоголика. И осталась конопатая толстушка совсем одна. Оттого-то, наверное, и поспешила выскочить замуж, да, видать, скачок кривой вышел, недолго длилась эта «лав стори». Но это уже было без Толика, обо всём этом он узнал много позже, когда стал искать старых друзей в социальных сетях.

...Но как построить свою линию поведения сейчас, во время этого его странного визита, которому он не мог найти определения? Она рада ему? Или просто вежлива? Об этом Толик думал, потягивая густой ягодный коктейль. Семена клубники скрипели на зубах. Это раздражало. Или его раздражала вынужденная необходимость проводить время с Феей, чья красивая коса осталось далеко в прошлом, а склонность к полноте, наоборот, проявилась во всей «красе»?..

И тут он заметил, что она смотрит на него влюблёнными глазами, как и много лет назад.

Рано утром он тихо поднялся с постели, хотя понимал, что мог бы пошуметь и даже немного погреметь – она спит беспробудно. Доза того, что он подмешал ей в вино, была почти рискованной. Но он готовился тщательно, всё было рассчитано до миллиграмма. Вытащил из наплечной сумки портативную циркулярную пилу на аккумуляторе, подошёл к стене перед дверью в соседнюю смежную комнату. Две ладони вниз от верхнего косяка, две – влево от бокового. Визг пилы – короткий, быстрый. Толик посмотрел на Фею: она нахмурилась во сне, забеспокоилась, потом успокоилась, продолжила мирно спать. Дело сделано – тайник прабабки вскрыт. А вот и клад, он, как и полагается по жанру, в сундучке, пусть и маленьком. Толик сдвинул вверх крышку жестяной коробки. Некогда красочная, в орнаментах, с мини-натюрмортами на боковых сторонах и на крышке, коробка теперь была покрыта ржавыми царапинами и засыпана серой пылью. Но можно разобрать полустёртую надпись «Затѣйник. Наборъ для дѣтей. Фабрика конфектъ...» Золотые николаевские червонцы целы и невредимы. Отчеканенные при монархии, монеты молча и стойко пережили всё то, что перенесли обитавшие в этой комнате люди: революции, войны, голод, иллюзии, разочарования, тоталитаризм, демократию, капитализм, болезни, смерти, рождения, любовь, предательства, эйфории, депрессии, взлёты вдохновения, расстройства желудка, сердечные приступы, задушевные беседы... Золотым червонцам всё нипочём. Они невозмутимы, и теперь готовы передать ему, Толику, свою магическую силу. «Дайте Толику толику этой силы», – скаламбурил он и, усмехнувшись, заговорщицки подмигнул монетам.

Он узнал о тайнике ещё десятиклассником. После похорон бабушки Толик нашёл в нижнем ящике платяного шкафа (очень старого, в мелких оспинах от работы древесных жучков), письма своей прабабушки, которую никогда не видел вживую, а лишь на старой фотографии – в шляпке, с зонтиком на аллее дореволюционного парка. Потом от уютного и мирного парка, а потом и вовсе от сего бренного и суетного мира унесли прабабушку две революции, гражданская война и, наконец, тиф. Толик не рассказал родителям о письме, он готовился извлечь

клад из стены тайно и самолично, потому что знал, что законопослушный отец обязательно заявит властям о находке, и те нехотя пожалуют крохи с государственного барского стола... Ну уж нет. Ворьё тянет из казны миллионы, а тут делиться, отдавать три четверти стоимостиклада? С какой такой стати?

Толик задумал вскрытие тайника на время отпуска родителей, но тут случился тот самый срочный отъезд в Канаду: торопились, боялись, что опять закроют границы, что с угрожающим рычанием восстанет из гроба пресловутый «железный занавес». Никак не удавалось в момент сборов найти удачный момент, чтобы добраться до замурованной в стене жестяной коробки. Это был самый настоящий клад в потайной нише одноэтажного дома, построенного в начале XX века. Дом был когда-то семейным гнёздышком средней руки местного купца, – прапрадеда и его семьи. Потом его дочь, бабушка Анатолия, продолжила жить в фамильном гнёздышке, но это уже не была её собственность, дом стал муниципальным, его разделили на две части. Во вторую часть со временем вселилась Фея с родителями.

Чем ближе был день отъезда, тем острее Толик понимал, что если даже он вытащит клад, то не успеет им распорядиться, а вывезти не позволят. Дело отложилось на неопределённое время.

Уже в Канаде он узнал, что Фея, чьи родители ещё с советских времён стояли в очереди «на расширение жилья», получила после перепланировки дома одну из комнат, в которых раньше жил Толик с родителями. Ту самую комнату, в чьей волшебной стене хранилось то, что несло в себе концентрацию чудесного способа исполнения любых, даже самых дерзких желаний: золотые кружочки с профилем последнего русского царя и гербом империи...

И вот наступил подходящий момент. Пришлось придумывать эту комедию с псевдокомандировкой, брать отпуск, лететь в Москву, потом слушать, как стучит железными костями поезд...

Фея улыбалась во сне, как счастливый ребёнок, ещё не раскусивший орех сорта «жизнь» с горькой, гниловатой сердцевинкой.

Толик устало сел на стул у стола, застеленного исполосованной ножевыми шрамами скатертью. На столе стояла полупустая банка растворимого кофе. Над сахарницей, где лежал пресованный рафинад в форме сердечек, висала муха. Толик поморщился, то ли от приторной пошлости этих сахарных сердечек, то ли от брезгливости при виде мухи, то ли от отвращения к себе и всему сущему. «Все мы – лишь герои компьютерной игры, написанной Великим Программистом. Ведь это он, развлекаясь, придумал глобальные программы добра и зла. Сегодня я своей личностью воспроизвожу программу зла. Но не я её задумал, не я её написал, не я её активировал... Разве я виноват, что действую согласно навязанному мне алгоритму, по формулам, которым нельзя сопротивляться... Или можно?.. А впрочем, – хватит! – надо забирать коробку и мотать отсюда быстрее. Пока эта фея конопатая, дурочка-с-переулочка, не проснулась. Надо срочно выезжать в Москву и решать вопрос с банкиром, который ждёт золотые червонцы. И подписывать документы, по которым деньги будут переведены по безналу на мой счёт в Торонто».

Толик щёлкнул зажигалкой и закурил, сбрасывая пепел прямо на скатерть.

Девушка забеспокоилась в постели. Повернулась на другой бок. Толик посмотрел на веснушчатую руку Феи и вдруг явственно увидел на её запястье толстый, немного синюшный, шрам. Тот самый... Это был оставшийся на всю жизнь след, напоминание о бурной, горячей ночи после школьного выпускного, когда они стали близки. Но их отношения длились совсем недолго, а вовсе не целую жизнь, чего, вероятно хотела девушка с толстой золотой косой. Золотая коса... золотые монеты... золото... зло... зло как программа... человек как персонаж галактической компьютерной игры... Мысли заметались, в душе стало тяжело и колко.

И всё внезапно перевернулось у него в сознании. Толик остро-явственно понял, что если сейчас он уедет с добычей и оставит Фею одну, униженную, обманутую, снова отвергнутую,

на этот раз грубо и цинично, то она опять найдёт опасную бритву своего отца. И неизвестно, поможет ли ей кто-то в этот раз спастись: ни матери, ни отца её уже нет на свете, детей нет и не было, а бывший муж – кто знает, где он ныне...

Толик понял, что всё совсем не так, как он придумал себе в утешение, что всё это очень даже сомнительно: его философизмы про некие программы добра и зла... нет же, это всего лишь жалкие попытки оправдать свою назревающую, набухающую гадкой силой подлость. И, наверное, предательство.

Нет, всё надо сделать иначе. Он затушил сигарету о запылённые зубья циркулярной пилы, взял коробку с золотыми монетами.

– Фея... Фея... – потормошил он её за плечо. – Феечка... Дашенька... Пора, красавица, проснись, открой сомкнуты негой взоры ... – От волнения он неожиданно вспомнил эти строчки Пушкина. – Сейчас кофе тебе принесу... вино было вчера крепким... на-ка глотни... я тебе сюрприз приготовил... ты такого в жизни не видела! Смотри, что у нас есть!

Фея рассеянно и растерянно улыбалась, неловко и тяжело приподнималась в постели, тёрла глаза. Он подложил ей подушку под спину. Длинноногая толстушка непонимающе смотрела на чашку кофе. Она не могла понять, почему гремит объёмистая жестяная коробка, которую Толик, улыбаясь, потряхивает, держа обеими руками возле уха, словно ребёнок, играющий со сверчком, спрятанном в спичечном коробке.

– Толь, ты это... мне это... короче, никто никогда кофе в постель не подавал... Вообще в жизни. Только в кино видела из жизни богатых... Спасибочки... Во дела-то... Ну Толян, ну приехал одноклассник... Во какие люди есть... – Она смущённо болтала ерунду, не могла остановиться, нервничала, вытягивала шею и губы и прихлёбывала кофе, дуя на него как на чай в блюдечке. – Это чё? Это откуда?.. – Она, наконец, окончательно проснулась и остолбенела. – То-оль? Откуда?

Явившаяся из далёкого прошлого открытая жестяная коробка, стоявшая теперь на стуле у изголовья кровати, словно кипела золотыми монетами, которые, перемешавшись, сгрудились кверху, и, казалось, вот-вот готовы были перелиться через край.

«Сокровище... Со-кровище... Не только „кров“, но также и „кровь“, „кровище“ затаились в этом слове. Есть ли кровь на этом кладе?», – промелькнуло в голове у Толика.

– Откуда, спрашиваешь? Да от канадского верблюда! – смеясь, ответил он. – Сюр-приз! Не мог всё рассказать тебе по телефону... Бери себе половину. Твоя доля. Делай, что хочешь. – Он подвинул коробку в её сторону. Толик смотрел на конопатую, растрёпанную и заспанную Фею, и внезапно острая жалость к этой неустроенной и несчастной женщине, смешанная с неожиданной к ней нежностью, как к ребёнку, которого кто-то обидел, охватила его, и что-то тяжёлое и нехорошее перестало теснить его душу. Он глубоко и облегчённо вздохнул. Потом улыбнулся сидящей на постели ошарашенной простушке с лицом, похмельным от вчерашнего вина со снотворным.

– Ты пей кофе-то... Остывает, Фея. Даша, очнись! – Толик нежно погладил её по плечу, и она судорожно схватила его ладонь и не отпускала, он не возражал. Испуганно взглянула на стоявшую на столе, присыпанную штукатурной пылью, циркулярку. – Фефёлкина, соседка милая, всё по-настоящему! – уговаривал её, как маленькую, Толик. – Это уже не сон. Сегодня на нашей улице праздник, Фея. И даже в нашем дворе! Вот так-то... А чего слёзки потекли по нашим конопушкам?..

Курс лечения

День первый.

У меня нет другого выхода. Собственно говоря, он есть – ногами вперёд. Но это подождёт. А сейчас надо соглашаться. Соглашаться на рискованный эксперимент, которого я, чего скрывать, побаиваюсь... да не побаиваюсь, а боюсь. А дневник этот веду втайне от врачей, так как дал подписку о неразглашении. Пять минут назад и начал его вести – в небольшом, но толстом блокноте, подаренном мне кем-то на заводе на Новый год, кажется. Пишу в купе поезда. Скоро подъезжаем.

Проводник объявил мою станцию. Прерываюсь. Скоро выхожу.

В гостинице – номер как номер, только вместо телевизора – радиоприёмник. Очень хорошо. Мне не в телевизор надо всматриваться, а в себя. Ведь после приёма первой таблетки я, возможно, начну как-то меняться. И, надеюсь, – выздоравливать. Постараюсь максимально подробно описывать все свои ощущения, чувства и переживания. Зачем? Интересно потом будет все это перечесть. Но сейчас, пока процесс лечения не начался, сам себе напомним, так сказать, исходные данные: вдруг после таблеток начнёт подводить память?

Мне около пятидесяти, я дважды разведён, у меня двое детей, живущих со своими мамами. Инженер-биохимик. Люблю горные лыжи, дачные шашлыки, джаз. Почему-то с детства тянуло к экзотическим женщинам. Отчасти этот интерес был удовлетворён в рамках южных и северо-восточных регионов СССР. За границей бывал, но без особого восторга, не люблю иноязычие. В тюрьме не сидел, лишь в КПЗ в студенческие годы за уличную драку, срочную службу проходил на Черноморском флоте (ещё советском, и именно НА флоте, а не ВО флоте, – это я, старший матрос, не могу не отметить, у нас, у мореманов, так принято говорить и писать). Когда дети мои были маленькие, был к ним очень привязан, переживал разводы с их мамами. Сейчас спокойно переживаю разлуку. Что ещё? Ни дети, ни их мамы не знают, что их отец и бывший муж честным и ударным трудом на экспериментальном заводе химических препаратов заработал себе злокачественную опухоль под черепом. Все, проэкспонировал себя, – и хватит. Далее будем описывать процессы в динамике.

Мне надо начинать курс лечения.

Выпил первую таблетку. Она безвкусная, немного волокнистая, словно из прессованных трав. Возможно, там и есть какие-то травы.

День второй.

Этот город мало изменился за последние годы. Он стоит особняком от больших дорог, и все болезни новой социально-экономической формации переживает в ослабленных формах, словно после прививки: всего один зал игровых автоматов, частные магазины и один-единственный ресторан и, что самое приятное, почти нет безработицы. Градообразующее предприятие – местный кирпичный заводик – востребован рынком, люди худо-бедно при зарплатах.

...Сейчас вечер, я задёрнул шторы, заварил себе чаю (жаль, что нельзя открыть бутылку хорошего вина или махнуть соточку русского народного напитка – увы, лечебный режим) и пишу свой дневник. Прогулка по городу – первая после приезда, к счастью, не разочаровала меня. Это ведь город моего детства. Я снова увидел эти маленькие улицы с цветущими акациями, тутовыми деревьями с набрякшими, сочными «гусеницами» шелковиц, с розами на клумбе в центральном парке, с фонтаном, перекачивающим в своём водяном раструбе большой лёгкий шар.

Как и тогда, в моём детстве, на скамеечках парка сидят мамы с колясками. Нет только летнего кинотеатра неподалёку, в который мы, дети, не ходили, а, сэкономив деньги, просто залезали на деревья во дворе и жадно пожирали глазами «Неуловимых мстителей», а то, бывало,

и «Анжелику», на которую нас и за деньги бы не пустили («Детям до 16...»). На месте кинотеатра теперь – современный офис, где расположились какое-то турбюро, сбытовая кирпичная контора и ещё что-то, не запомнил.

Дом, где я когда-то жил и где сейчас обитают посторонние, незнакомые мне люди, внешне изменился мало – только тем, что у него исчез парадный вход; попасть в жилые помещения можно теперь только через двор. Не знаю, захочу ли я этого. Посмотрим.

Засну ли я сегодня?.. В голове – картины детства: мама и папа, к которым я пристаю с просьбами написать и нарисовать что-нибудь в мою самодельную газету (она выходила в 1 экземпляре), бабушка, выкладывающая на большое блюдо айвовую шарлотку, растущие во дворе на четырёхугольной клумбе разноцветные цветочки, которые бабушка почему-то называла «ковриками»... Моя любимая собака, «боксёрша» Леда, чей холодный нос на тыльной стороне ладони я ощущал всё моё детство.

На сегодня хватит. Спокойнее, больной, берегите силы. Таблетку – и забыться сном.

День третий.

В конце концов, всё неплохо. Я получил деньги по больничному листу за десять с лишним месяцев, приехал в город своего детства, снял неплохой номер с окном, из которого виден парк. Сейчас лето, буду лечиться, гулять, сидеть в кафешках, бродить по парку. Вот пойду сейчас и загляну во двор своей школы. (Во двор дома – после. Надо созреть для этого... Боюсь увидеть картину, разрушающую дорогие мне воспоминания).

Двор школы пустынен. Пахнет краской и мелом, идёт ремонт. Поймал себя на странном желании: подольше вдыхать запах краски и съесть кусок мела. Что это? Желание впустить в себя поглубже то, что напоминает мне о счастливых днях детства? Или это что-то уже физиологическое, принесённое болезнью и лекарством? Не знаю.

Стыдно признаться, но я нашёл во дворе (хорошо, что никто этого не увидел) кусочек мела и с наслаждением схрумкал его. После этого вздохнул облегчённо, словно сделал что-то важное. Странно...

Заборы здесь делают из песчаника. Вот след от ракушки. Матрица из глубины веков! Я погладил этот камень. Я его помню. А он – меня. А прошло-то сорок лет. След от ракушки, должно быть, смешон этот срок в сорок лет.

...Вечером поймал по радио концерт моей любимой джазовой вокалистки Сары Воан. От этой женщины нетленным сохранился только голос. Что останется от меня? И когда? Если таблетки не сработают, срок – два месяца. Шутки в сторону. До завтра, дневник!

День четвёртый.

Утром пошёл дождь, и я слушал его сквозь сон. Решил, что буду лежать так до обеда, а обедать пойду в плавучее кафе. Буду смотреть на речку, на рыбаков в линялых майках, мальчишек, ныряющих с пружинистой доски-трамплина. Но неожиданно заснул и проснулся только вечером. Выпил таблетку. Не захотелось выходить из номера. Вскрыл банку рыбных консервов, поел с чёрным хлебом. Навалилась усталость. Или болезнь.

Что сейчас происходит? Эта волокнистая таблетка атакует опухоль в моем мозгу? Возможно, в недрах моего организма бушуют нешуточные баталии. Как же так? Разве это меня не касается? Почему все, что происходит во мне, не подконтрольно мне?

Если носитель моей памяти, мыслей, чувств, ощущений, терзаний, страданий, комплексов, любви, ненависти, ностальгии, похмельного синдрома, либидо, творческих озарений, производственного опыта и много другого – мозг – вдруг начинает без моего согласия выращивать в себе какую-то гадость, то, выходит, не я его хозяин? А кто? Если Творец, то почему он разрушает то, что сам же и создал? Нет, здесь что-то не так. Ведь мой поражаемый опухо-

люю мозг – это часть меня, так ведь? Ну тогда и опухоль – часть меня? Где я начинаюсь и где заканчиваюсь?

Голова сегодня тяжёлая, как горшок с кашей. Помню, как мы ели перловку на уборке картошки. Перловка с дымком. Ватники, пахнувшие землёй. У наших подружек-студенток был чёрный маникюр, поэтому они прятали руки в рукава телогреек.

...А ногти и вырванные зубы – это ведь тоже части меня? Человек сам себя хоронит всю жизнь по частям: ногти, волосы, отшелушённый эпидермис, зубы, а иногда – ампутированные руки и ноги, желчные пузыри, почки, части желудков.

Хватит, однако. Глупости лезут в голову от безделья. И от бессонницы. Надо сосчитать до тысячи и заснуть. Пойду лягу и буду мысленно считать... ну хотя бы перловую крупу. Один остроумный человек однажды пошутил: перловая каша состоит из одних перлов. Пойду считать перлы, постараюсь заснуть. А небо на юге звёздное, красивое. Лучше буду смотреть в окно и считать звезды. И тогда засну. Спокойной ночи! Это я сам себе пожелал.

День пятый.

Старость не радость, сказал Мафусаил. Нездоровится мне сегодня что-то. А про Муфасаила – это шутка студенческих ещё лет, Мишка-Кимирсен сочинил. Кимирсеном его прозвали за то, что ходил он чаще всего в стройотрядовской куртке, похожей на френч тогдашнего корейского лидера Ким Ир Сена. В этом городе мы с Мишкой бывали несколько раз, купались на речке. Были ещё живы и мама, и бабушка, которые готовили нам на речку знаменитую (в нашей семье) шарлотку и пироги с розовым вареньем. К ужину мы приносили иногда бидончик с речной водой, где плавали несколько бычков. Это если брали с собой удочки и железную коробку из-под монпансье, в которой вяло извивались приговорённые к участи наживки черви. Бабушка их жарила в муке (не червей, конечно, а бычков!!! Специально оставляю эту фразу, для смеха).

А вот идти смотреть на наш дом мне почему-то расхотелось. Что я там увижу: чужих людей на маленьком клочке земли, где я когда-то знал каждый камушек? Во дворе моего детства посередине двора был пенёк, в него была вделана втулка с резьбой, и дядя Коля, сосед (всего в этом одноэтажном, угловом доме жили три семьи) вкручивал в эту втулку шест с резьбой: это была важная деталь в хозяйстве всего дома: шест не давал обвиснуть шпагату со свежестырированным бельём. Когда шест бывал не нужен, отверстие, чтобы оно не забивалось пылью и мусором, закрывалось пробкой от шампанского. Помню, пробку я тогда нашёл на улице и принёс мастеровитому и хозяйственному дяде Коле. «Да у тебя технический склад ума и глаз-алмаз!» – похвалил меня дядя Коля. Мне тогда было лет восемь, я был счастлив такой похвалой.

Интересно, сохранился ли этот пенёк с втулкой? А сохранился ли дядя Коля? Нет, наверное, никого уже там нет из тех, кого я помню.

Лучше всего хранить эти милые сердцу детали в своём борющемся за выживание мозгу. Иначе наложение двух матриц – идеальной и реальной – разрушит то, что дорого именно как впечатление детства, как послевкусие счастья.

Но ведь первые дни не разрушили ничего. Что изменилось? Кажется, я понимаю. Я начинаю разрушаться под воздействием болезни, и во мне начинают ослабевать идеальные матрицы. Они могут разрушиться под натиском матриц реальных. Вот он: конфликт умозрительного и осязаемого. Между прочим, в парке сильно пахло хлоркой из общественного туалета, когда я там гулял в первый день своего приезда. Странно, что я только сейчас об этом вспомнил.

Ну что ж теперь мне – сидеть в номере гостиницы и больше не выходить из-за конфликта идеального и реального?

Не знаю. Посижу, буду слушать музыку по радиоприёмнику.

День шестой.

Кажется, я теперь понимаю Георгия Михайловича, моего лечащего врача: он счёл, что эта поездка поможет мне излечиться. Если и поможет, то только с помощью шоковой терапии: я понимаю, что у меня начинают отбирать счастливые воспоминания детства. Сегодня днём после завтрака в буфете (гадковатые сардельки!) я вышел в парк. Запил таблетку минералкой. Купил газету. Но читать не хотелось. Я вдруг ощутил себя совсем больным. У меня помутилось в глазах, и я, видимо, завалился боком на скамейку. Очнулся от похлопывания по щекам. Женщина в белом платье спросила:

– Что с вами? Вам плохо?

– Простите, – ответил я ей, – я сегодня ночью плохо спал, меня разморило.

– Дайте-ка руку, – не унималась она, присела рядом, взяла меня за руку и нащупала пульс. – У вас тахикардия. Я врач. Возьмите валидол.

Она перегнула серебристую упаковку, и из неё проклюнулась таблетка. Пришлось взять. Вязкий мятный вкус.

– Пахибо, – языку мешал валидол.

Женщина сидела по-прежнему рядом на скамейке, заботливо глядя на меня.

Ну вот, мало мне, ещё и тахикардия. Совсем физический носитель – тело моё – разрушается. Носитель чего: духа или души? Поди знай... У кого спросишь?

– Ну вот и хорошо, щёки у вас порозовели. Дайте-ка ещё раз руку. Намного лучше... Пойду я, пожалуй. Будьте здоровы.

Женщина ушла. Это была красивая и добрая женщина, примерно моих лет.

Возможно, мы когда-то учились с ней в одном классе. Но не узнали друг друга. Возможно, это была Валентина, которую я когда-то пеленал в полотенце на берегу речки, чтобы, спрятавшись в этом коконе, она могла бы снять мокрый купальник и надеть платье прямо на голое тело... Впрочем, нет, это не она, не Валентина. Валентину я бы непременно узнал.

Да, это была не Валентина. Но пусть и эту женщину зовут Валентиной. Так мне хочется. Я решил мысленно так её называть.

Таблетка мне сегодня показалась почему-то горькой. Может быть, после сладкого чая в буфете гостиницы?

Звезды жгут мне глаза, не могу уснуть. Жгут даже через веки. Придётся спать на животе. Звезды будут смотреть мне в затылок.

День седьмой.

Здравствуй, бабушка. Если ты существуешь в другом измерении, то знай, что в городе, где мы когда-то жили, по-прежнему тепло. Я приехал сюда отдохнуть и подлечиться. Врачи выписали мне волокнистую таблетку. Я уж и не помню, от чего она, но в блокноте написано, чтобы пить одну таблетку в день. А вчера я встретил Валю. Она мне дала валидол. Потому что Валя знает, что у меня нет валидола.

Бабушка, встречаешь ли там маму? Хорошо бы вам не терять друг друга и там тоже. А папа ещё жив, он живёт с моей мачехой далеко на севере, там ужасно холодно. Да что я, право, пишу тебе о холоде и валидоле, ты ведь сейчас этого не поймёшь. У тебя теперь совсем другая жизнь. Я в это верю.

Кстати, я думаю иногда: холод, например, испытываю – я или только моё тело? Ведь тело – это лишь часть меня, значит, тепло, холод, голод и т. д. испытывает лишь часть меня.

Валентина стала ещё красивее. Она врач. Завтра я пойду в парк и буду ждать её.

А в газете пишут о курсе доллара. Бабушка, помнишь, как дядю Мишу, хозяина пса Рагдая, выгнали из партии за то, что он хранил доллары в томе энциклопедии? Тебе это все смешно. Мне тоже.

Ведь жизнь такая интересная и загадочная. Люди – это как бы волосы земли, они сначала отрастают, а потом выпадают и заменяются новыми. Люди изобрели деньги и стали думать только о них. А можно было изобрести что-нибудь другое, например, таблетки счастья и ими расплачиваться вместо денег. Ведь деньги дают власть, имущество, независимость, но не дают счастья. А я, кажется, подбираюсь к главной тайне: как стать счастливым.

День восьмой.

Она не пришла. А жаль. Я хотел рассказать ей о том, как стать счастливой. Я бы ей сказал:

– Помнишь, как я обернул тебя большим зелёным полотенцем? Я чувствовал твоё горячее от солнца тело под этим полотенцем.

А она бы ответила:

– Вы меня ни с кем не путаете?

А я бы:

– Вот это и есть счастье: собрать по крупицам, по минутам лучшее за полвека, получится... ну полчаса наберётся, наверное, больше вряд ли получится, потом записать все это, – все секунды и минуты счастья – на специальную дискету и подключаться время от времени к этим своим воспоминаниям. Как подключаться, спросишь ты, Валентина? Я работаю над этим, я ведь инженер-биохимик. Думаю, понадобится разработать специальные вводимые устройства в кору головного мозга. Я испытаю устройство на себе. Волокнистые таблетки готовят мой мозг к внедрению. Валентина, приходи на пляж.

День десятый.

Вчера ничего не писал, просидел весь день на пляже у речки, ждал Валентину. Странно, что она не пришла. Ведь всю ночь я мысленно посылал ей просьбы прийти на речку. Конечно, теперь уж неудобно вспоминать наши прошлые отношения, но просто пообщаться... что в этом плохого? Мне здесь одиноко, скучновато. Мы бы с ней просто поболтали. Вспомнили бы наших одноклассников.

Кстати, я вспомнил: мы тогда ели мел всем классом: где-то прочли, что он полезен для укрепления костей. И Валентина ела. А эти таблетки, что мне выписали врачи, думаю, тоже для укрепления костей... Или нет? Может, у Валентины спросить?

День одиннадцатый.

Она подошла ко мне, когда я сидел на той же, что и в первый раз, скамейке в нашем парке. Она узнала меня!

– Здравствуйте. Как вы себя чувствуете? – спросила она меня.

– День добрый. Спасибо, Валентина, я себя хорошо чувствую, – ответил я.

– Но меня зовут не Валентина, а Наталья, – мягко улыбнулась она.

– Пусть будет так, если вам так удобнее, – ответил я.

– Вы так непохожи на обычных отпускников. Всегда в галстук и пиджаке... Вам разве не жарко?

– Нет. Я ждал вас.

– Правда?

– Вы помните, как мы ели мел в первом классе?

– Как? – удивилась она. – Мы с вами ели мел?

– Да. А помните, как мы с вами дружили, как купались на речке, как пили вино на веранде у ваших родителей? Потом родители уехали куда-то, и мы с вами виделись и день, и ночь...

– Ну конечно, помню, – улыбнулась Валентина. – Вы тогда были молодой, загорелый...

– Да, это верно... Жаль, что так получилось... Ведь мы могли бы с вами быть всю жизнь рядом, нарожать красивых детей. Правда, Валентина?

– Ну конечно, правда. Позвольте, я пощупаю ваш пульс.
В этот момент мне стало немного не по себе. Я спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.